

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-209-219

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КИТАИЗАЦИИ МАРКСИЗМА

Ма Кэжоу, асп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена проблемам китайской коммунистической идеологии. Рассмотрена “китаизация марксизма” как феномен социальной и политической жизни КНР конца XX и начала XXI в. Выполнен анализ процесса развития теории “китаизации марксизма”. Были выделены существенные противоречия в процессе развития китайской нации. В то же время было проведено аналитическое исследование преобразований в национальных приоритетах в политике модернизации КНР. Показаны противоречия между старой (советской) трактовкой коммунистической идеологии и ее интерпретацией, предложенной китайским ученым Ю Вунджином в конце XX в.

Ключевые слова: “китаизация марксизма”, Китай, К. Маркс, Си Цзиньпин, Ф. Энгельс, китайская мечта, социология, политика, национальная культура.

THE CULTURAL MEANING OF SINIFICATION OF MARXISM

Ma Kezhou, PhD student, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: 798883766@qq.com

The article is devoted to the problems of Chinese communist ideology. The article considers the “Sinification of Marxism” as a phenomenon in the social and political life of the People’s Republic of China at the stage of development of this country after the end of the Cold War. The analysis of the process of development of the theory of “Sinification of Marxism” is carried out. Significant contradictions in the development of the Chinese nation were highlighted. At the same time, the analysis of transformations in the national priorities in the modernization policy of the People’s Republic of China was carried out. The contradictions between the old (Soviet) interpretation of the very concept of communist ideology and its current Chinese interpretation, proposed by Yu Wunzhin back in the 1990s, are shown.

* **Ма Кэжоу**, e-mail: 798883766@qq.com

Key words: *Sinification of Marxism, China, K. Marx, Si Tszinpin, F. Engels, Chinese dream, sociology, politics, national culture.*

Введение

Синология всегда была популярной в России научной дисциплиной, так как устойчивые отношения между Китаем и Россией возникли еще в XVII в., когда был подписан первый договор о границах на Дальнем Востоке (Нерчинский мир). Однако на фоне противостояния с Западом в период холодной войны, а затем уже и во время либеральных реформ в России изучение обществ США и Западной Европы оставалось приоритетным направлением для российских обществоведов, включая международных, тогда как Китай больше привлекал внимание филологов. Правда, определенный интерес к китайской проблематике сохранялся в сибирских и дальневосточных университетах. Глубокий научный анализ китайского общества и развития российско-китайских отношений начинает развиваться в России с началом XXI в., и к 2019–2021 гг. он привел к достаточно весомым результатам. Во многом это было связано с расширением экономических отношений между РФ и КНР. С 2005 г. проблемы безопасности в Азии и сотрудничество с Китаем в формате Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) также стали фактором усиления интереса российских ученых к КНР. Но, разумеется, главной причиной роста интереса российских синологов к соседней стране было китайское “экономическое чудо”. Процесс глобализации, который привел к интенсификации международного взаимодействия, также обусловил усиление интереса российских ученых к Китаю.

Тем не менее недостаточно изученной остается китайская политическая философия и ее влияние на развитие китайского общества после 2000 г., когда экономические реформы, начатые по инициативе Дэн Сяопина, вступили в более либеральную фазу¹. После того как председателем КНР стал Си Цзиньпин, китайский вектор внутренней и внешней политики несколько изменился — отныне, в отличие от предыдущих периодов, курс страны в большей мере обусловлен концепцией “китайской мечты”². Данный поворот в по-

¹ Jun Ma, Xuan He. The Chinese Communist Party's integration policy towards private business and its effectiveness: an analysis of the Ninth national survey of Chinese private enterprises // *Chinese Journal of Sociology*. 2018. Vol. 3. Iss. 3. P. 422–449; Xu Chenggang. The fundamental institutions of China's reforms and development // *Journal of Economic Literature*. 2011. N 49 (4). P. 1076–1151.

² Fewsmith J. Xi Jinping's fast start // *China Leadership Monitor*. 2013. Summer. N 41.

литике высшего руководства КПК сопровождался в смежный период трансформацией социальной основы партии³.

Соответственно, цель настоящей статьи — показать связь между, с одной стороны, китайской культурой, особенностями развития китайского общества после 1949 г. и особенно после начала реформ Дэн Сяопина, а с другой стороны, китайским марксизмом как системой ценностей и ориентиров современного китайского общества.

В соответствии с целью, мы ставим в нашем исследовании следующие задачи:

- 1) описать природу китайского марксизма, который опирается на китайские традиции;
- 2) показать расхождение между советским марксизмом, который базируется преимущественно на положениях К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, и китайским марксизмом;
- 3) раскрыть особенности современной китайской идеологии в контексте официальной политической философии КНР.

Корни китаизации марксизма

Турецко-американский синолог Ариф Дирлик еще в конце XX в. выдвинул гипотезу, согласно которой марксизм в ходе распространения в Китае подвергся переосмыслению и реструктуризации. Мао Цзэдун, как и многие другие его современники, не просто читал работы К. Маркса и Ф. Энгельса сквозь призму китайского исторического опыта, но и настойчиво превращал китайский исторический опыт в китайскую версию прочтения марксизма. Как указывает А. Дирлик, китаизация марксизма была теоретическим проектом, имевшим огромное значение с точки зрения перспектив марксистской революции в Китае, который был преимущественно аграрным обществом⁴. Переводы произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на китайский язык, по А. Дерлику⁵, стали почвой для дискуссий левых китайских интеллектуалов. Особенно это касается диалектики, которая в китайской философии имеет иной характер, нежели в

³ Gore L.L.P. The social transformation of the Chinese communist party: prospects for authoritarian accommodation // *Problems of Post-Communism*. 2015. N 62 (4). P. 204–216; Wen M.Y. The dynamics of sustainable regime continuity of China // *Chinese Studies*. 2018. N 7. P. 59–71; Liu J. Selection of China's top leadership cadre: the roles of supreme leaders, factional networks, and candidate attributes // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. Vol. 51 (2). P. 219–240; *The Third revolution: Xi Jinping and the new Chinese state*. N.Y.; Oxford, 2018. P. 343.

⁴ Dirlik A. Mao Zedong and 'Chinese Marxism' // *Companion Encyclopedia of Asian Philosophy* / Ed. by B. Carr, I. Mahalingam. L.; N.Y., 1997. P. 602.

⁵ Ibid. P. 613.

западноевропейской⁶, причем в рамках последней для различных философских школ характерны различные версии диалектики.

Китайская философия и гуманитарная мысль в целом базируются на положениях “биан” (變) и “тонг” (通). В то время как биан предлагает становление в свете различий, тонг выражает вид становления в свете непрерывности — “становление” от одного события к другому. Это предполагает, что в становлении существует континуум; или, если бы не было континуума между этим и тем, не было бы становления. В свою очередь, если это не отличается от того, то не могло бы быть никакого становления.

Многие выдающиеся китайские мыслители находят биан и тонг во всех отношениях между всеми ванву (万物, “десятью тысячами вещей”) под небом, что можно рассматривать как нечто обнаруженное в объективном материальном мире в западном смысле. Более того, биан-тонг также рассматривается в обратном порядке, т.е. как тонг-биан, что означает “знающий биан”, здесь тонг изменился со значения “открытие, следующее за закрытием” и “бесконечный переход из одного из этих состояний в другое” на “постижение изменений и выполнение в соответственно меняющихся манерах” и “что выполнять и с чем оперировать”. Это указывает на то, что биан-тонг распространяет аналогичные отношения на тонг-биан; тонг-биан означает постигать биан-тонг, постижение, таким образом, является континуумом и представляет собой процесс проникновения в биан и тонг. Или, иными словами, “думать и поступать соответственно тому, что делает мир”⁷.

Объяснение процесса жизни в терминах взаимодействия взаимодействующих оппозиций является фундаментальным для китайской традиции. В отсутствие дуализма западного образца, который устанавливает онтологическое разделение между некоторым определяющим принципом и тем, что он определяет, взаимосвязанность всех вещей способствует коррелятивному способу философствования и объяснения порядка в мире. Традиция сыграла важную роль в восприятии и осмыслении марксистской философии в Китае.

В работе по соединению диалектического материализма с концепцией биан-тонг участвовали тысячи китайских интеллектуалов, которые среди прочего осуществили переводы обширной иностранной литературы. Китайская версия марксизма быстро развивалась, достигнув своего пика при Мао Цзэдуне. Будучи хорошо знаком с

⁶ Salomon D. West-Östlicher Marxismus. Entgegnung auf Chenshan Tian // Das Argument. 2006. N 268. S. 193–194; Tian Ch. Chinesische Dialektik: die historische Entwicklung des Marxismus in China // Das Argument. 2006. N 268. P.184–192.

⁷ Zhu Xi. Zhuzi yulei [朱子语类]. Beijing, 1986.

трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина, Мао уделял большое внимание произведениям ряда советских и китайских авторов, таких как М.Б. Митин, И. Широков, Ли Да и Ай Сичи.

Взгляд Мао на диалектический материализм тяготел к позитивизму и дуализму, поскольку он черпал свои знания в основном из текстов, которые были переполнены терминами и формулами в духе советского ортодоксального марксизма. При этом Мао, осуществляя свою интерпретацию марксизма, апеллировал к классическим китайским понятиям.

Социализм с китайской спецификой был и остается актуальной темой для официального Пекина на протяжении нескольких поколений. После долгих усилий социализм с китайской спецификой вступил в новую эру, изобилующую новыми проблемами. Исходя из этого, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин четко сформулировал основные концепции современного китайского марксизма⁸.

Несмотря на то что нередко можно слышать критику марксизма, которая ставит ему вину анахронизм и догматизм, академическое сообщество Китая начиная с 1990-х гг. стало свидетелем того, что современный китайский ученый Ху Дапин называет “ремарксизацией”⁹. Это свидетельствует о возросшем интересе китайских ученых к чисто философским разделам работ К. Маркса и к западному марксизму. Частью этого процесса является сдвиг в сторону интерпретации творчества К. Маркса, прежде всего, как критики капиталистической современности. Это соотносится с официальным марксистским дискурсом, т.е. усилиями по созданию теоретического фундамента для “социализма с китайской спецификой” (中国特色社会主义).

Ху Дапин выделяет два направления исследований — “неидеологическое, академическое” и “идеологическое”. Однако, по его мнению, особенность китайского контекста заключается не в том, что эти два марксистских дискурса вообще существуют, а в том, что их обычно невозможно отличить друг от друга¹⁰. В аналогичном ключе А. Дирлик подчеркивает необходимость проводить различие между понятиями “китайский марксизм” (中国马克思主义) и “марксизм

⁸ Hayes A. Interwoven “Destinies”: The significance of Xinjiang to the China dream, the belt and road initiative, and the Xi Jinping Legacy // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29. N 121. P. 31–45.

⁹ Hu Daping. Marx in China // *Socialism and Democracy*. 2010. N 24 (3). P. 193–197.

¹⁰ Ibid. P. 194.

в Китае” (马克思主义在中国). Последний “шире по охвату и более расплывчатый”¹¹ и практически не исследовался.

Один из инициаторов реформ Дэн Сяопина Ю Учжин посвятил много лет изучению концепции идеологии. Он подчеркивает необходимость проведения различия между понятиями “сознание” (意识), “общественное сознание” (社会意识) и “идеология” (意识形态). В переведенном им авторитетном советском учебнике по философии понятие идеологии в основном встречается в разделе о диалектическом материализме (辩证唯物主义). Здесь сознание представлено как “отражение бытия” (存在的反映), а общественное сознание как “отражение социального бытия” (社会存在的反映). По мнению Ю, такое разделение сознания беспочвенно, поскольку оно порождает иллюзию существования социально неопосредствованного сознания. Таким образом, заключает он, это разделение противоречит позиции К. Маркса, который подчеркивал, что сознание всегда является продуктом общества¹². Кроме того, Ю замечает отсутствие четкого систематического различия в использовании марксистских терминов “идеология” (意识形态) и “форма сознания” (意识形式), что сдерживало уровень дискуссий в китайской марксистской философии. Таким образом, Ю Учжин полагал, что необходимо разъяснить различные значения этих терминов. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, объясняет Ю, концепция идеологии обозначает тотальность или “органическое целое”, которое состоит из множества различных форм сознания, таких как религия, право и т.д.¹³

Современная идеология КПК

Дихотомизация “марксизма КПК” и академического марксизма справедлива лишь в ограниченной степени. В последние пятнадцать лет изучение идеологии в Китае стало в основном ограничиваться политической наукой.

Современные социологи считают, что любую культуру можно рассматривать как традиционный образ жизни, выраженный в специфическом наборе обычаев, институтов и артефактов. Разнообразие культур выражает разнообразие образов жизни. Иначе говоря, вопрос о культуре — это вопрос о том, как и почему различаются формы организации сложных социумов¹⁴.

¹¹ Dirlik A. The discourse of Chinese Marxism // In Modern Chinese Religion / Ed. by J. Lagerwey. Leiden, 2016. P. 302–365.

¹² Yu Wujin. Yishixingtai lun (On Ideology). Beijing, 1993. P. 124–126.

¹³ Ibid. P. 129.

¹⁴ Добренъков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 7. М., 2005.

Образ жизни людей описывает структуру мышления и поведения, т.е. ценности, верования, и правила поведения, формы экономической деятельности, условия труда и быта, состояние религиозной и культурной жизни, образование, экологию и многое другое¹⁵.

В современном Китае марксизм трансформируется как политическая идеология. Производительные силы Китая, основанные на применении физического и умственного труда, а также особенность мировоззрения элит страны используются руководством КНР для качественного и количественного роста экономики, что соответствует сути китайской марксистской философии. Двумя наиболее важными теориями, созданными лидерами современного Китая являются концепции “трех представительств” Цзян Цзэмина и “китайской мечты” Си Цзиньпина.

Суть концепции “трех представительств” заключается в том, что правящая партия всегда должна отстаивать интересы прогресса производительных сил Китая, ориентироваться на китайскую культуру, а также защищать интересы большинства нации. Концепция трех представительств соответствует ряду важных идей К. Маркса и Ф. Энгельса.

Во-первых, К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что “представляя свои интересы как общие интересы всех членов общества, класс, совершающий революцию, выступает с самого начала не как класс, а как представитель всего общества, как вся масса общества, противостоящая одному правящему классу”. Следуя идеологии, описанной К. Марксом и Ф. Энгельсом, Коммунистическая Партия Китая, полагает себя не правящей элитой, а партией, представляющей интересы нации.

Во-вторых, если брать историческую идеологию, “материальные силы являются содержанием, а идеологии — формой. Материальные силы были бы исторически немыслимы без формы, а идеологии были бы индивидуальными фантазиями без материальных сил”, то КПК полагает, что материальный базис — это то же самое, что и производительность, а идеология — одна из ведущих форм культуры. Иными словами, производственная база является экономической базой, а идеология — надстройкой.

В-третьих, “нужно навести порядок в этом правиле идей, доказать мистическую связь между последовательными господствующими идеями”, как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, значит порядок “трех представительств” воспроизводит сменяющие друг друга

¹⁵ Добренчиков В.И., Кравченко А.И. Указ. соч.

правляющие идеи. КПК считает, что производственная база должна быть на первом месте прежде, чем любая, даже самая развитая национальная культура, и лишь когда китайский народ обретает передовые производительные силы, он обретает и передовую национальную культуру.

Руководство Китая исходит из того, что экономическая мощь является одним из наиболее важных факторов общественного развития, но одной ее недостаточно. В XIX в. страна была самой крупной экономикой мира, но это не помогло ей защитить свой суверенитет в эпоху Опиумных войн. В настоящее время положение КНР в мировой системе более весомое и устойчивое, но возможности прежней модели экономического роста, созданные в период реформирования, близки к исчерпанию. Более невозможно надеяться на рост экспортных продаж и беспощадную эксплуатацию природных ресурсов. Для прорыва в экономике Китая требуется создать высокотехнологичные производства, которые бы основывались только на национальных научно-технических разработках, избавиться от ненадежных поставок на внешние рынки, организовать внутри страны увеличенный спрос на продукцию национального производства, а также необходимо принять неотложные меры в экологической политике государства.

Смена модели развития ставит КНР перед трудным выбором, поскольку экономический рост может оказаться под угрозой. Общемировой кризис негативно влияет на рост экономики, и в это непростое время “китайская мечта” должна объединить китайский народ, создать для людей уверенность в ускоренном развитии государства. Идея возрождения китайской нации должна стать основной для достижения внутринационального социального равенства, в то время как в стране существует огромный разрыв по уровню жизни между богатыми и бедными. Известные идеологические подходы (марксистская идеология, конфуцианский традиционализм, экономический либерализм) не гарантируют максимальной эффективности. Вместе с тем “китайская мечта” не отвергает ни одно из этих течений, а наоборот консолидирует их в себе, формируя социализм с китайской спецификой и обеспечивая сохранение национальной культуры, что не отрицает важную роль рынка для роста благосостояния общества.

Высшее образование стало воплощением идеалов китайского марксизма, которые типичны для китайской интеллигенции среднего ранга, так как официальный Пекин с начала 1980-х гг. делает ставку именно на науку и образование как на двигатель развития экономики.

Си Цзиньпин указал: “Китайская мечта — это национальная мечта, это также мечта каждого китайца”¹⁶. Лидер Китая призвал людей сплотиться для осуществления общей мечты через стремление к личным целям, подчеркнув: “У нас есть широкие возможности для того, чтобы каждый человек реализовал свою мечту”¹⁷. “Китайская мечта” не тождественна американской, но, вместе с тем, говорить об их несовместимости было бы преувеличением — в Китае также есть место для личного успеха и для реализации индивидуальной мечты о богатстве.

Понятие “китайская мечта” вошло в повседневно-общественную жизнь страны в ноябре 2012 г. вскоре после смены руководства Коммунистической партии Китая на XVIII съезде. Прежде всего, Си Цзиньпин заявил, что “осуществление великого возрождения китайской нации — это величайшая мечта китайского нации начиная с нового времени”.

Си Цзиньпин разъяснил, что “китайская мечта” состоит из трех целей: Китай должен стать богатейшим и сильнейшим государством, необходимо стремительное преобразование всей нации и забота о счастье всего народа. “Китайская мечта” может стать реальностью только в том случае, если выполнить три условия:

1. Китай должен развиваться только по собственному, т.е. по “китайскому пути”.
2. Осуществление мечты зависит от “развития китайского духа”, который основан на инновационных технологиях, патриотических идеях и реформировании всех сфер.
3. Сплоченность всего китайского общества.

Традиционные мечты не потеряли своей актуальности. Возникшая в Китае более двух тысячелетий назад идея общества “великого единения” (Датонг, когда “Поднебесная принадлежит всем”, 大同) в новых условиях стала синонимом идей социализма.

Си Цзиньпин исходит из положений классиков марксизма-ленинизма, при этом особый акцент делается на идеях Мао Цзэдуна. Марксизм является идеологией КПК, и на него ориентируется партия и страна.

К 2010 г. КПК давно уже из классовой (пролетарской) партии превратилась в национальную и патриотическую, но понятие “китайская нация” (中华民族) трактуется максимально широко. Это не “нация китайцев”, т.е. народа хань, составляющего 92% населения КНР, а объединение всех народов, живущих на территории государства и соединенных “общими культурными ценностями”.

¹⁶ China Central Television (CCTV). News. 2017.24.05. 19:00.

¹⁷ China Central Television (CCTV). News. 2018.10.07. 19:20.

Заключение

Ярче всего переосмысление марксизма в китайской интеллектуальной мысли отражено в трудах Ю Учжин. Его работа “Об идеологии” является каноничной для официальной точки зрения. Работа Ю направлена на рассмотрение проблемы догматических советских трактовок марксистской теории, обусловленных доминированием диалектического материализма сталинского типа, на что указывали китайские переводы советских учебников по философии. Ю подчеркивает необходимость повторного обращения к оригинальным работам К. Маркса, особенно на языке оригинала.

Отход Ю от диалектического материализма не означает отказа от марксизма-ленинизма как такового и тем более отказа от диалектики. Он выступает как за критическую концепцию идеологии, которая, по его утверждению, занимает существенное место в работах К. Маркса, так и за метод диалектического отрицания в трактовке идеологий.

Выдвинутая Си Цзиньпином идея “новой эры” глобальных отношений, основанных на “сообществе общей судьбы”, опирается на концепцию ванву (万物, “десять тысяч вещей”), которая была популярна в древнекитайской философии. Вместе с тем это может быть альтернативной версией тонг-биан как способа понимания идеи коммунизма К. Маркса — датонг (大同), что означает жизнь в гармоничном сосуществовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 7. М., 2005.

REFERENCES

- China Central Television (CCTV). News. 2017.24.05. 19:00.
China Central Television (CCTV). News. 2018.10.07. 19:20.
Dirlik A. Mao Zedong and “Chinese Marxism” // *Companion Encyclopedia of Asian Philosophy* / Ed. by B. Carr, I. Mahalingam. L.; N.Y., 1997. P. 600–620.
Dirlik A. The discourse of Chinese Marxism // *Modern Chinese Religion* / Ed. by J. Lagerwey. Leiden, 2016. P. 302–365.
Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Fundamental'naya sociologiya [Fundamental Sociology]: V 15 t. T. 7. M., 2005 (in Russian).
Fewsmith J. Xi Jinping's fast start // *China Leadership Monitor*. 2013. Summer. N 41.
Gore L.L.P. The social transformation of the Chinese Communist Party: prospects for authoritarian accommodation // *Problems of Post-Communism*. 2015. N 62 (4). P. 204–216.

Hayes A. Interwoven “Destinies”: The significance of Xinjiang to the China dream, the belt and road initiative, and the Xi Jinping Legacy // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29. N 121. P. 31–45.

Hu Daping. Marx in China // *Socialism and Democracy*. 2010. N 24 (3). P. 193–194.

Liu J. Selection of China’s top leadership cadre: the roles of supreme leaders, factional networks, and candidate attributes // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. Vol. 51 (2). P. 219–240.

Ma J., He X. The Chinese Communist Party’s integration policy towards private business and its effectiveness: an analysis of the Ninth National Survey of Chinese private enterprises // *Chinese Journal of Sociology*. 2018. Vol. 3. Iss. 3. P. 422–449.

Salomon D. West-Östlicher Marxismus. Entgegnung auf Chenshan Tian // *Das Argument*. 2006. N 268. P. 193–194.

The Third Revolution: Xi Jinping and the New Chinese State. N.Y.; Oxford, 2018.

Tian Ch. Chinesische Dialektik: die historische Entwicklung des Marxismus in China // *Das Argument*. 2006. N 268. P. 184–192.

Wen M.Y. The dynamics of sustainable regime continuity of China // *Chinese Studies*. 2018. N 7. P. 59–71.

Xu Chenggang. The fundamental institutions of China’s reforms and development // *Journal of Economic Literature*. 2011. N 49 (4). P. 1076–1151.

Yu Wujin. Yishixingtai lun [意识形态论] [On Ideology]. Beijing, 1993. P. 124–129 (in Chinese).

Zhu Xi. Zhuzi yulei [朱子语类] [Classified Conversation of Master Zhu]. Beijing, 1986 (in Chinese).